

Возвращение

(Окончание. Начало в №80).

— Семен Сергеевич, вас в контору кличут, — появилась неожиданно рассыльная. — В другорядь посылают... Из райкома товарищ.

— Завтра будет день, — недовольно ответил Оганов, думая при том: «В ночь-полночь тебя требуют, не считаются, будто председатель не человек. Волен любой инструктор, секретарь... Из бани даже вытащат...».

Сидеть на крыльце опустевшего дома и курить в темноте надоело.

Пойти ночевать к деду Трофиму, подумал Оганов. У него как-то не так тоскует сердце. В своем доме неуютно и больно. А в дедом можно поговорить и о политике, и о колхозе, можно послушать веселые байки, на которые Трофим мастак.

Ночь наплыла полная. Подрагивали блески звезд короткими лучиками, обособленно от них висела безбокая луна.

Шагает Оганов по притихшим улицам, думает о жизни колхозной, а на душе исподтишка кропится и кропится тоска. И так от нее не по себе становится, что жжет внутри, сжимает сердце. Не хватает чего-то. Не хватает близкого человека.

Словно наяву, перед Огановым проявились голубые глаза, всегда наполненные радостью, ожгли теплом ласковые губы. Не хватало щебета Вовки... «Может, и впрямь права Клавочка? Плюнуть на все мучи да вернуться в город? Неужто она никогда не была привязана к земле? Неужто столько

лет в ее голосе, взгляде, улыбке таилась ложь? И можно ли в одном махом, пусть даже в горе, вычеркнуть из памяти человека, которому говорила самые нежные, самые ласковые слова?».

Вот и дом деда Трофима. Окно светится на кухне. Слабое полукружье лежит на земле желтой скатеркой. На лавке сидит дед Трофим и потягивает неизменную трубку.

Оганов знает, что здесь его встретят радушно, напоят чаем.

* * *

За околицей, совсем недалеко от Милкова, стоят десятка два берез. Огромные ветви свесились в одну сторону и потихоньку покачиваются, будто оплывают небольшие могильные бугорки. Серые кресты, укрытые березами, ревниво охраняют печальную тайну. Высушенный зноем воздух тих и неподвижен. Травы на кладбище мало. Только там, где сохранились невысокие оградки, еще теплятся неяркие цветы.

Клава идет, касаясь рукой шероховатых стволов берез. На этой половине кладбища уже не хоронят. Новые могилы появляются ближе к реке. Там березовый молодняк. Клаваходит маленький холмик. Посередине он провалился. Рыжая глина потрескалась. Сердце горько заняло.

С небольшой фотографии на деревянном памятнике смотрит кругленькое, смешливое личико. У могилки лежит букет цветов. Был он собран и связан неумелой рукой. Цветы высохли.

Трость — рассыплется, превратится в пыль. Не так ли вот и ее сын? Был он, да вот и остался от него желто-бурый холмик. Села женщина на могилку, оперлась рукой о теплую землю, задумалась. За спиной угасает вечер. Притихли березы. Упрятался ветер. Неслышно подлетела птичка. Сочувственно несколько раз пискнула, исчезла.

Дернулась всем телом женщина, упала лицом в землю и зашептала тяжело грудью:

— Кровиночка моя... прости...

Встала на колени и торопливо начала грести землю, пригоршнями собирала ее и сыпала на провал могилы. Земля улежала, крепкая, но женщина сгребает ее, сдирая ногти и, будто драгоценность, переносит пригоршнями на холмик...

Над кладбищем, над всем миром плывет ночь. Верхи берез над Клавой слились воедино и стараются не раскрыть таинство, упрятать его от постороннего глаза. От креста к кресту потянулись шатающиеся тени. Клава снова ткнулась лицом в глину. Заплакала навзрыд, обустошающе. Нутром поняла: тоска таилась все это время по земле, по этому холмику, по живому человеку. Кажалось, что и Вовка осуждает ее за побег.

Пала роса. Заговорили птицы, когда Клава поднялась и пошла к просыпающейся деревне. Ослабевшая и усталая, словно после долгой и нелегкой операции, она медленно шла от кладбища. Она ждала и боялась встречи с человеком, от которого уехала.

«Но я ж вернулась, Семен! Вернулась...», — старалась успокоить себя женщина. И чем ближе она подходила к деревне, тем меньше в ней оставалось уверенности, что необходимая ей встреча возможна в эту ночь...